

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1905. Т. 3. № 11. С. 81–96 (1-я пагин.). (Продолжение.)

43.— „Изготовившій икону говорить, что она есть икона Христа. А мы знаемъ, что имя Христа обозначаетъ не только человѣка, но и Бога“. Если бы онъ цѣнилъ свои слова, то онъ долженъ былъ бы сознать нелѣпость того, что онъ говорилъ раньше. Но заблужденіе и ложь обыкновенно противорѣчатъ и истинѣ и себѣ. Если бы имя Христа означало одно естество, то послѣдующая рѣчь наша, обосновывая истину и взвѣшивая разнообразныя мнѣнія, склонила бы побѣду на сторону лучшаго, объявивъ это одно естество или вполнѣ описуемымъ или совершенно неопишымъ. Но такъ какъ это имя указываетъ на два естества, какъ утверждаетъ Мамона, то что мѣшаетъ приписывать каждому изъ нихъ свойственные и принадлежащія имъ признаки, такъ что они могутъ быть соединены и въ то же время не лишаться своихъ существенныхъ признаковъ и неизмѣнно присущихъ имъ естественныхъ свойствъ, ни раздѣляться вслѣдствіе того, что несліянно вмѣщаются одно въ другомъ. Хотя они въ одномъ и томъ же, но они не одно и то же, какъ не одно и то же душа и тѣло. Если бы кто зналъ одного и того же человѣка какъ золотыхъ дѣлъ мастера и каменьщика, то это не значило бы еще, что онъ считаетъ обработку золота и камня однимъ и тѣмъ же. Мамона пользуется числомъ двоицы, какъ орудіемъ своей злобы, и издѣвается надъ естествами, дабы совершенно уничтожить состоящее изъ нихъ лицо и легко выполнить свое намѣреніе относительно его. Итакъ, тотъ, кто изготовляетъ икону и говоритъ, что она есть икона Христа, знаетъ и значеніе имени и значеніе лица, знаетъ также и то, что составныя части противоположны другъ другу, хотя воспріятіе ихъ, какъ говорятъ, дается одновременно. Знающій, что одно ихъ нихъ невидимо и со-

вершенно непостижимо и вслѣдствіе этого неизобразимо и неопишимо, долженъ знать также, что другое видимо и постижимо и по антитезѣ противоположности необходимо описуемо и изобразимо. Итакъ, принимая цѣлое не какъ единое, а какъ состоящее изъ двухъ частей,—въ противномъ случаѣ рѣчь Мамоны имѣла бы нѣкоторое основаніе,—но созерцая только видимое, живописецъ поступаетъ именно сообразно съ этимъ. Онъ знаетъ, что изображать одно не значить необходимо описывать другое, ни раздѣлять единое цѣлое. Этого не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ. Какъ въ томъ случаѣ, когда смотришь на пишущаго, изображаемые имъ предметы отнюдь не распадаются, такъ и при изображеніи одного не предполагается и изображеніе другого. Это мы уже показали на примѣрѣ человѣка; это же легко можно видѣть и въ другихъ случаяхъ. Если кто знаетъ различные признаки вещи и беретъ одинъ изъ нихъ, то неужели онъ долженъ пользоваться и другимъ? Напримѣръ: мы знаемъ, что огонь обладаетъ двойкой энергіей—свѣтить и грѣть. Если кто-нибудь нуждается въ силѣ огня свѣтить, то неужели онъ вынуждается противъ воли подвергаться и дѣйствию его пламени? Или если кто для удаленія нечистоты пользуется свѣжею водою, то неужели онъ долженъ и охлаждать себя посредствомъ ея, ибо она имѣетъ двойное свойство—чистить и охлаждать? Никто изъ обладающихъ разумомъ согласится съ этимъ не можетъ. Итакъ, Мамона, рассматривая это цѣлое, т. е. Христа, какъ нѣчто единое, хотѣлъ, чтобы естества, изъ которыхъ состоитъ Христось, представлялись всегда вмѣстѣ, какъ воспоминаніе цѣлаго, и чтобы ни одно изъ нихъ не представлялось само по себѣ, такъ чтобы то, что случается съ однимъ, существовало необходимо въ другомъ.

44.—Если бы онъ слышалъ когда нибудь отъ Павла: *мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. 1 23), то чтобы онъ отвѣтилъ ему? Такъ какъ имя Христа есть имя общее для обоихъ соединенныхъ естествъ, то онъ, согласно своимъ допущеніямъ, въ виду того, что имя Христа указываетъ и на Бога, вынужденъ былъ бы невольно, чтобы не дѣлать одинаго, говорить, что само Слово было распято въ собственномъ Своемъ естествѣ, и что божественная и неизреченная сущность спострадала вмѣстѣ съ человѣческой. И если бы кто указалъ ему божественный и животворящій гробъ,—не будемъ говорить объ обрѣзаніи и другихъ страданіяхъ,—то онъ сказалъ бы, что Слово умерло и что божеское и бессмертное естество было погребено вмѣстѣ съ человѣческимъ и смертнымъ. Чтобы не раздѣлять естествъ, онъ хочетъ того, чтобы если одно естество претерпѣваетъ что-либо, съ нимъ претерпѣвало бы и другое. И что ему могутъ сказать эти слова: *но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и мы у него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ, имъ же вся и мы тѣмъ* (1 Кор. 8, 6)? Подобное должно казаться ему нелѣпостію. Такъ какъ всѣ дѣйствія принадлежатъ одному, то съ точки зрѣнія Мамоны вмѣстѣ съ Словомъ участвовало въ твореніи всего и наше естество, и человѣкъ такимъ образомъ будетъ творцомъ самого себя. И затѣмъ, когда божественный Петръ говоритъ: *ты еси Сынъ Божій* (Мѡ. 16, 16), то согласно положенію Мамоны, и плоть вслѣдствіе отношенія сыновства окажется имѣющею достоинство божескаго естества. Кто читаетъ Писаніе, тотъ найдетъ и много другаго подобнаго, что изобличаетъ богохульство Мамоны и его нелѣпости. А что Мамона такъ именно думаетъ и рассуждаетъ, это намъ показываютъ сущность его рѣчей и пустые софистическіе

вопросы. И все это онъ понимаетъ неискусно и грубо, а не въ смыслѣ взаимо-усвоенія или взаимо-общенія (свойствъ божественныхъ и человѣческихъ), какъ учить о семь соборная Церковь, о чемъ рѣчь будетъ немного послѣ.

45.—Такъ какъ Мамона продолжаетъ распространяться и повторяться, то будемъ распространяться и мы по поводу сказаннаго имъ, и хотя бы онъ говорилъ одно и то же объ одномъ и томъ же, будемъ отвѣчать ему. Онъ рассуждаетъ такъ: „и какъ имя Бога и человѣка (Христа), означающее естества божеское и человѣческое, мы можемъ прилагать къ иконѣ, которая въ состоянїи представить только естество человѣческое, а не естество божеское и человѣческое“? Это „какъ“,—буду разговаривать съ тобой, какъ съ присутствующимъ,—если бы не оглохли уши души твоей, если бы не ослѣпли твои мысленныя очи, если бы ты не лишился разума и не извратилась твоя способность рассуждать, если бы ты хранилъ неприкосновенно опредѣленія вѣры и неповрежденное опредѣленіе соборной церкви, если бы ты уберегъ малую искру вѣры въ своемъ сердцѣ, а не бѣсновался противъ непорочнаго и непогрѣшимаго нашего исповѣданія вслѣдъ за твоими вождями, влекущими тебя въ пропасть невѣрія и гибели,—это „какъ“, говорю, для тебя было бы совершенно ясно, если только это является для тебя дѣйствительно вопросомъ, и не ухищреніемъ и обманомъ.

Повторяя одно и то же объ одномъ и томъ же, замѣтимъ, что такъ какъ распятіе и страданіе называются Христовыми, равно какъ погребеніе и прочее,—не будемъ говорить болѣе, переходить мѣру и накучивать слушателямъ,—то въ виду обозначенія именемъ *Христосъ* двухъ естествъ приписываемое

одному изъ нихъ должно несомнѣнно усвоиться и другому. Само собою разумѣется, что крестъ могъ поразить только человѣческое естество; между тѣмъ онъ называется Христовымъ. Пусть убѣдитъ тебя Апостоль, который говоритъ: *μὴ γένοιτο ἵνα κληθεῖται τὸ κρῖνον τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ* (Гал. 6, 14). Обрѣзаніе можетъ отдѣлять только плоть человѣка, и гробъ можетъ ограничивать собою, заключать и скрывать только ее. Между тѣмъ все это называется Христовымъ, хотя ничего изъ этого не можетъ быть приписано естеству божескому и неизреченному, ибо оно нетлѣнно, безстрастно и совершенно чуждо чего либо мыслимаго въ этомъ родѣ. И если нѣчто подобное говорится, то говорится въ смыслѣ взаимоотношенія и взаимообщенія, чего ты въ настоящемъ случаѣ не дѣлаешь, ибо совершенно этого не понимаешь. Говорится, что пострадалъ Христосъ, но не какъ Богъ, а какъ человѣкъ, хотя Онъ одинъ и тотъ же съ единою ипостасію. Такъ какъ тѣло, воспринятое отъ насъ, называется Христовымъ, и мы вѣримъ, что Онъ все пострадалъ въ немъ, а между тѣмъ тѣло это имѣетъ конечно свойственныя ему черты, ибо оно не было бы тѣломъ, если бы не имѣло ихъ: то неизбежно эти черты и подобіе называются Христовыми. И какъ тѣло принадлежитъ Христу, такъ и эти черты относятся не къ естеству Слова, ибо мы знаемъ, что оно безобразно и лишено формы, а къ тѣлу Слова и къ человѣческому естеству и образу, которые свойственны Христу. Посему имя Христа усвоется этимъ чертамъ омонимически, какъ представляющимъ Его подобіе ¹⁾).

¹⁾ Ὁμώνυμα λέγεται, говоритъ Аристотель въ „Категоріяхъ“ ὡς ὄνομα μόνον κοινόν, ὃ δὲ κατὰ τοῦτομα ὄρος τῆς οὐσίας ἕτερος: омонимами назы-

Между тѣмъ тебя имя Христа, указывающее на два естества, возбудило величаться, хвастаться и думать, что ни одно изъ естествъ, представляемыхъ съ этимъ именемъ, не можетъ называться безъ другого, что одно изъ нихъ или совсѣмъ не берется въ какомъ либо случаѣ или ученіи, или же если оно выдѣляется отъ другого, то отдѣляется отъ него совсѣмъ. Что же сказать на это? Представь себѣ, что Христосъ именуется только человѣкомъ или сыномъ человѣческимъ, и притомъ называется только этимъ именемъ. И если никому другому, то Христу ты конечно повѣришь, когда Онъ говоритъ народу Іудейскому: *что ищите мене убити, человека, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40)? И: *аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго* (Іоан. 6, 53). И: *прославися Сынъ человѣческій* (Іоан. 13, 31). И: *преданъ имать быти Сынъ человѣческій* (Мѣ. 17, 22). И: *прииде Сынъ человѣческій спасти погибшаго* (Мѣ. 18, 11). И: называли *сыномъ Давида* (Мѣ. 9, 27 и др.). И многое подобное этому можно найти въ Евангеліи, если только Евангельскія изреченія не представляются тебѣ пустой болтовней. Такъ какъ то, что указывается названіемъ человѣка, есть одно, а не два, какъ въ имени Христа, ибо это слово означаетъ одно человѣское естество, то не получается-ли и не прибавляется-ли у тебя нѣчто новое, поразительное и удивительное? Вѣдь ты, какъ человѣкъ, который ведетъ борьбу скорѣе со Христомъ, чѣмъ съ именемъ Его, въ состояніи объявить Господа простымъ человѣкомъ, однимъ изъ насъ,—къ чему ты нечестиво стремился и раньше и теперь,—и признать, что Онъ именно былъ обвиненъ, осужденъ на казнь, перенесъ поруганія и

ваются такіе предметы, которые имѣютъ только общее имя, существо же различное.

приговоренъ къ жестокой смерти. Охотно опускаю другое изъ страха предъ богохульствомъ. Можетъ быть, ты скажешь, что человѣкъ этотъ есть Богъ. Ты говоришь правду, ибо и Богъ этотъ есть человѣкъ. А если на оборотъ когда ты слышишь, что Онъ называется только Богомъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1),—*видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14); и: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, иже хочетъ живитъ*, (Іоан. 5, 25); и: *Отче прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ тя* (Іоан. 17, 1); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). И слѣдующему говоритъ: *вѣруешь-ли въ Сына Божія?* и многое подобное. Когда слышишь ты все это, считаешь-ли ты Христа только Богомъ, лишеннымъ нашего естества, лишаешь-ли Его совершенно нашего тѣла и отрицаешь-ли у Него все человѣческое, чтобы такимъ образомъ явно упразднить все домостроительство?

46.—Что собственно ты говоришь? Ты обращаешь вниманіе на слова, обозначающія естества и съ одной стороны уничтожительными изъ нихъ ты уничтожаешь Христа, лишая Его свойствъ божескихъ и возвышенныхъ, и такимъ образомъ соглашаешься съ своими учителями, страдаешь аріанскимъ безуміемъ. Съ другой стороны возвышенными названіями ты устранишь уничтожительныя, приписываешь Христу только возвышенное и поешь вмѣстѣ съ твоими вдохновителями, усердствуешь пустому и чудовищному баснословію скверныхъ Евтихіанъ, или вѣрнѣе Манихеевъ. Разъ ты стремишься къ поруганію и упраздненію спасительнаго домостроительства, тебѣ легко услаждаться этими нелѣпостями. Но если мы посмотримъ на это съ иной точки зрѣнія, именно признаемъ, что на-

звание чело́вѣка свойственно и собственно нашему существу, а то, что приписывается ему, причисляется превышающему насъ, то какое объясненіе ты дашь? Здѣсь дѣло обстоитъ не такъ, какъ въ случаѣ съ именемъ Христосъ, которое является общимъ именемъ, обозначающимъ оба естества; но особое названіе одного естества представляетъ въ тоже время свойства соединенной съ нимъ сущности вслѣдствіе взаимоотношенія, въ которое они вступаютъ въ одномъ и томъ же существѣ,—вслѣдствіе того, что свойства ихъ перемѣшиваются другъ съ другомъ, равно какъ и самыя естества, согласно церковному толкованію. Ибо что ты скажешь на это: *аще узришь Сына чело́вѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде* (Іоан. 6, 62). И: *никтоже възыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ чело́вѣчскій* (Іоан. 3, 13), И: *суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти дондеже видятъ Сына чело́вѣческаго грядуща въ царствіи своемъ* (16, 28). И: *пріити имать Сынъ чело́вѣчскій во славу Отца Своего, со Ангелы своими* (Іоан. 16, 27). Итакъ, будешь ли ты придавать значеніе только однимъ именамъ и считать царство чело́вѣка вѣчнымъ и неразрушимымъ, признавать Его чело́вѣкомъ, предсуществовавшимъ на небѣ, сходящимъ съ неба и снова восходящимъ на небо, а также, что Богъ и Отецъ есть Отецъ того, кто называется чело́вѣкомъ? Или же ты обратишь вниманіе на сущность вещей и истину и изумленный почтишь великое таинство домостроительства и примешь, что гласить и исповѣдуетъ о немъ ученіе соборной церкви, не придавая значенія однимъ только именамъ и словамъ, дабы не лишиться спасенія? Ты уже разстался съ этимъ вслѣдъ за твоими пророками и вождями и выступилъ неразумно и нечестиво въ качествѣ обвинителя истины и домостроительства

Христова. Оставляя сражающихся съ именами разглагольствовать объ именахъ и представляя имъ услаждаться буквами и слогами, обратимся къ силѣ истины и самыхъ вещей и побесѣдуемъ кратко о слѣдующемъ.

47.—Итакъ, слѣдуетъ сказать, что имя Христось безъ сомнѣнія означаетъ двоицу естествъ въ одной ипостаси, какъ говорилось часто и пространно объ этомъ раньше. Боговдохновенное Писаніе и славнѣйшіе Отцы, возвышенно разсуждая о значеніи имени, всесторонне разъясняли это при помощи понятій взаимоотношенія и взаимообщенія. Когда они разсматриваютъ естества во Христѣ сами по себѣ, т. е. божество и человѣчество (ибо они обозначаютъ существа), то приписываютъ особенности и естественныя свойства каждой въ собственномъ смыслѣ,—и то, что говорятъ объ одномъ ествѣ, не приписываютъ другому. Они не говорятъ ни того, что божество сотворено и страстно, ни того, что человѣчество не сотворено, нетлѣнно или безстрастно, ни того тѣмъ болѣе, что естества спострадали другъ съ другомъ, какъ допускаютъ нынѣшніе догматисты. Но когда они берутъ ипостась, состоящую изъ этихъ естествъ, они называютъ ее Христомъ по тому и другому еству; свойства соединенныхъ естествъ они считаютъ свойствами ипостаси, такъ какъ Христось есть и Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, Богъ воплощенный, одинъ и тотъ же—сотворенный и несотворенный, страстный и безстрастный. Въ случаѣ, если они имѣли въ виду составныя части ипостаси, иногда на основаніи свойствъ только божескихъ и возвышенныхъ называли Христа Богомъ и Сыномъ Божиимъ, а иногда, принимая во вниманіе свойства только человѣческія и уничижительныя, именуютъ его человѣкомъ и Сы-

номъ человѣческимъ. Иногда же они свойства одной изъ частей приписываютъ другой съ ней сосуществующей, вслѣдствіе того, что онѣ вмѣщаются одна въ другой. Такъ Богъ называется страстнымъ и Господь славы распятымъ не какъ Богъ, а какъ человѣкъ. И наоборотъ, именуется человѣкомъ безначальнымъ, безстрастнымъ, несотвореннымъ, небеснымъ и отрокомъ предвѣчнымъ не какъ человѣкъ, а какъ Богъ. Вслѣдствіе тѣснаго единенія естествъ, единства ипостаси и тожества лица, Христосъ есть единъ и въ одно и тоже время есть то и другое, съ одной стороны существуя безначально отъ Отца, а съ другой ставъ потомъ человѣкомъ по Своему милосердію. Этимъ путемъ каждое изъ естествъ сообщаетъ принадлежащія ему свойства другому, вслѣдствіе единства и тожества ипостаси, не теряя каждое своихъ свойствъ въ одномъ и томъ же лицѣ, почему и говорится, что Слово усвоило домостроительно страданія Своей плоти. Хотя Оно нисколько не страдало въ Своемъ ествѣ, однако говорится, что Оно пострадало, дабы мы вѣрили въ единого Спасителя всѣхъ, исповѣдывали Его виновникомъ нашего бытія и существованія и приписывали Ему наше блаженство.

Верховный изъ богослововъ наставляетъ насъ этому, говоря: *Христосъ единою о грѣсѣхъ нашихъ пострадала, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови: умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ* (1 Петра, 13, 18). И еще: *Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитесь* (1 Петра 4, 1). Съ этимъ въ согласіи окажется и учитель неизреченныхъ тайнъ, проповѣдующій *Христа распятаго*, а также, что *распятъ Господь Славы* (1 Кор. 1, 23). Поэтому же называютъ Іудеевъ убійцами Бога и Господа и божественные отцы наши, которые о способѣ взаимо-

общенія (естествъ) разсуждаютъ такъ. Божественный Кириллъ въ третьемъ письмѣ къ Несторію: „и былъ (Христосъ) въ распятомъ тѣлѣ, усвоивъ страданія Своей плоти“. Въ письмѣ къ восточнымъ онъ говоритъ такъ: „сверхъ того всѣ мы исповѣдуемъ Слово Божіе безстрастнымъ, хотя велемудро уготовляя таинство, Оно представляется усвоившимъ Себѣ страданія, испытанныя Его плотію“. Почему и премудрый Петръ говоритъ, что Христосъ пострадалъ за насъ плотію, а не естествомъ неизреченнаго божества. И чтобы въ Него вѣрили, какъ Спасителя всѣхъ, Онъ, какъ я сказалъ, домостроительнымъ усвоеніемъ воспринялъ страданія Своей плоти. Священный Амфилохій въ посланіи къ Селевку говоритъ такъ: „страдаетъ воспринятое естество, но воспринявшее пребываетъ безстрастнымъ. Богъ усваиваетъ Себѣ человѣческія страданія Своего Христа, т. е. крестъ, смерть и все, что о Немъ мыслится съ точки зрѣнія домостроительства, усваиваетъ, но Самъ нисколько не страдаетъ“. Божественный Григорій Нисскій противъ Аполлинарія пишетъ: „такъ какъ человѣческое хотѣніе—одно, а божеское—другое, то о Христѣ говорится, что Онъ усвоилъ страданія наши, согласно немощи естества, по человѣчеству. Но что дивно,—мы находимъ, что Священное Писаніе приписываетъ Спасителю всѣхъ Христу, не только существенно и изначально свойственныя нашей природѣ страданія, но даже наихудшія изъ нихъ. Говорится, что Онъ усвоилъ ихъ, содѣлался какъ бы клятвою за насъ и грѣхомъ: *проклятъ всякъ висій на древь* (Гал. X, 3, 13); *не видѣшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21),—что Онъ воспринялъ наше непокорное и непослушное естество. Онъ усвоилъ воспринятое такъ, чтобы въ Себѣ уничтожить худшее, какъ огонь уничтожаетъ

воскъ, а солнце туманъ, и чтобы мы восприняли вслѣдствіе единенія присущее Ему“. Такъ говорить великій Григорій.

Но враги истины не идутъ за этими вождями; нечестивые и безумные въ одно и то же время, плѣненные плотскими страстями, они открыто проповѣдуютъ противоположное. Между тѣмъ мы, наставляемые учителями церкви, пребываемъ въ предѣлахъ православія, не совлекаемъ естество Слова въ страданія плоти и напротивъ говоримъ, что усвоивъ домостроительно эти страданія, Оно не страдало само. Такимъ путемъ мы нисколько не нарушаемъ правильнаго хода умозаключеній, хотя по нашему Одинъ и Тотъ же приобщился и славы и поруганій. Такъ какъ Слово усвоило домостроительно страданія тѣла и такъ какъ тѣло это называется тѣломъ Бога Слова, то и икона и подобіе Его пресвятаго тѣла относятся къ Нему, какъ Ему собственныя. Усвоенная такимъ образомъ, икона, принимая имя общее обоимъ естествамъ, называется омонимически съ первообразомъ. А вы, враги домостроительства Единороднаго, спрошу я васъ, что скажете вы на это? Почему вамъ кажется поруганіемъ Христа твердая вѣра, пламенная любовь къ боже-ственному таинству православныхъ, которые признавая проистекающее изъ него благодѣяніе, повѣствуютъ и изображаютъ великія дѣла, совершенныя для нашего искупленія, дабы имѣя ихъ предъ глазами носить въ душѣ всегда свѣжую, твердую и постоянную память о нихъ, согласно древнему преданію церкви Христовой? Косность и лѣность нашей природы требуютъ какъ бы удара рожна и возбужденія для того, чтобы направить ее къ полезному. Неужели у васъ не находить вѣры, что Онъ содѣлался клятвою и грѣхомъ, былъ распятъ и умеръ, перенесъ наказаніе,

налагаемое на злодѣевъ, и все то, что Онъ благоволилъ пострадать ради нашего спасенія? Если же Онъ перенесъ эти страданія ради насъ какъ человѣколюбецъ, то сколь болѣе Онъ, какъ Преблагій, приметъ отъ насъ иконы, цѣня вѣру и чувства усердствующихъ?

48.—Но вы находите оправданіе во грѣхахъ своихъ (Пс. 140, 4), нечестиво и невѣжественно болтая невоздержнымъ языкомъ своимъ объ описуемомъ и неопикуемомъ. Не славу желая утвердить, вы востаєте противъ долготерпѣнія Божія, ниспровергаете и клеветаете на спасительное домостроительство, силясь совершенно упразднить Его. Если бы не таковы были замыслы и намѣренія ваши, если бы у васъ была хоть тѣнь благочестія, то вамъ не было бы нужды выступать противъ церкви Христовой съ пустыми и новоизобрѣтенными догматами. Если бы вы имѣли попеченіе о вѣрѣ, то вы сохранили бы православное и непорочное ученіе о домостроительствѣ Христовомъ, и не стали бы укорять насъ въ измышленномъ будто бы нами заблужденіи относительно двоицы природъ въ Христѣ, но правильно высказали бы касательно ея только ей приличествующее и подобающее, а именно: исповѣдуя двоякое рожденіе Христа—одно предвѣчное, безначальное, безтѣлесное и вѣчное отъ безначальнаго и вѣчнаго Отца, и другое—въ концѣ временъ отъ пречистой Богородицы, бывшее во времени ради нашего спасенія,—приписали бы каждому изъ естествъ то, чѣмъ характеризуется ихъ различіе и почему познается ихъ способность не сливаться и не смѣшиваться, а также приписали бы соотвѣтствующія естествамъ дѣйствованія и воли, божественныя и человѣческія. Гдѣ различны естества, тамъ различны и дѣйствованія равно какъ

гдѣ тождественны дѣйствованія, тамъ равночестны и естества, вслѣдствіе противоположности соединявшихся природъ, какъ думаетъ и учитъ церковь. Такимъ образомъ божественное дѣйствованіе можно мыслить вѣчнымъ, или скорѣе самодѣйствованіемъ, потому что сущность и дѣйствованіе не различаются, а подлежатъ одному и тому же опредѣленію въ виду особенности простого и безтѣлеснаго естества, которое во всемъ проявляетъ одно и то же, но только различно и такъ сказать не описуемо, а не такъ, чтобы прежде была силою, а потомъ изъ силы стала дѣйствіемъ.

49.—Нѣчто подобное говоритъ Господь: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17) не только вызваніе изначально сущаго изъ небытія къ бытію, но также сохраненіе и промышленіе о немъ, какъ напр. *творитъ ангелы своя духи* (Ис. 103, 4), *простираетъ небо яко кожу* (тамъ же 2), *покрываетъ водами превыспряжняя своя: основываетъ землю на тверди ея* (тамъ же 3 и 5): что однажды стало существовать, то и получаетъ отъ Его промыслительныхъ дѣйствій продолженіе своего бытія. Человѣческое же дѣйствіе не вѣчно, но конечно или лучше сказать—ограничено, ибо молчаніе прерываетъ говорящаго, и уснувшій развѣ не просыпается. Покой ограничиваетъ движеніе. И вообще что-либо дѣлающей не можетъ въ то же время дѣлать и другое. Равно и сила—двоякая: одна божественная вѣчная самосила, безконечная сила соотвѣтственно высшей степени величія и могущества. И *вѣчная сила его*, говоритъ Апостолъ, и *божество* (Римл. 1, 20). Сила же человѣческая ограничена и немощна. *Плоть убо немощна; духъ же бодръ* (Мѡ. 26, 41). *И: человекъ въ язвъ сый, и въдыи терпѣти болѣзнь* (Ис. 53, 3). *И: аще и распятъ отъ немощи, но*

живъ есть отъ силы (2 Кор. 13, 4). Также и воли: одна божеская—благая, ибо Богъ всегда желаетъ намъ благоденствія и спасенія и принимаетъ обращеніе и покаяніе грѣшниковъ; другая же наша—измѣнчивая и непостоянная, ибо не всегда желаетъ одного и того же, иногда такъ, иногда иначе; иногда желаетъ движенія, а иногда покоя; въ одно время желаетъ созерцать и размышлять, а въ другое—нѣтъ; иногда желаетъ дѣйствовать, а иногда—оставаться въ праздности. Воля человѣческая, мыслимая во Христѣ, не противоположна Его волѣ божественной, какъ всецѣло обожествившаяся, ибо свойства нашей природы измѣнчивой и колеблющейся переходятъ изъ одного состоянія въ другое и не имѣютъ въ себѣ ничего устойчиваго и прочнаго.

50.—Итакъ, чтоже? Не двоякое-ли и вѣдѣніе у Христа? Вѣдь какъ Богъ Онъ знаетъ все прежде, чѣмъ оно случилось. Такъ находясь вдали, Онъ, какъ Богъ, предвозвѣстилъ ученикамъ кончину Своего друга (Іоан. 11, 14). Находясь же вблизи и приближаясь ко гробу, Онъ спрашиваетъ: *гдѣ положили его* (Мѣ. 11, 34), выказывая тѣмъ мѣру нашего естества. Также: *Иисусъ же зналъ помысленія ихъ* (Мѣ. 9, 4), т. е. то, о чемъ хотѣли спросить Его, ибо и какъ чловѣкъ Онъ зналъ все вслѣдствіе ипостаснаго единенія со Словомъ, равно какъ былъ обогащенъ и прочими совершенствами. И затѣмъ опять дѣлаетъ видъ, что не знаетъ дня и часа, когда придетъ конецъ міра (Мѣ. 24, 36), раздѣляя свойство воспринятаго естества. Воспринявъ все это ради домостроительства, Онъ прославляется и провозглашается нами совершеннымъ во всемъ человѣческомъ, равно какъ и совершеннымъ Богомъ. Одновременно мы исповѣдуемъ одного и того же сотвореннымъ и несотворен-

нымъ, смертнымъ и безсмертнымъ и всѣмъ тѣмъ, что мыслится противоположнаго объ одномъ и томъ же, вслѣдствіе двойственности естествъ. Но разъ это признается, какое основаніе будетъ препятствовать правомыслящимъ приписывать одному и тому же лицу такимъ же образомъ двойственность и въ другихъ отношеніяхъ,—что однако нечестиво отрицають христорборцы,—и поскольку дѣло идетъ о естествѣ Слова, приписывать ему (лицу) неопикуемость, а поскольку— о зракѣ раба—усвоить ему опикуемость? Кто настолько малосмысленъ и безразсуденъ, чтобы все другое признавать двойственнымъ при двойственности рожденій или естествъ и спорить только объ одной опикуемости? Вѣдь если кто станетъ отрицать принадлежащія естествамъ существенные признаки, то отъ естества можетъ не остаться ничего. Да и какая могла бы быть отъ этого опасность или вредъ? Какъ то, что Господь дѣйствуетъ, хочеть, а также обнаруживаетъ невѣдѣніе и страдаетъ почеловѣчески, никакимъ образомъ не унижаетъ божескаго естества въ Немъ, ни вносить раздѣленія въ единую ипостась Его; такъ и то, что плоть Его изображается, поскольку Онъ былъ видимъ людьми и обращался съ ними, ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести Ему вреда или вызвать какое-либо раздѣленіе въ Его ипостаси. Да сгинуть же пустословы, клеветующіе на божественное домостроительство и отвращающіеся отъ нашей святой вѣры!
